

Аркадий Грищенко

О ЛЮБВИ И НЕ
ТОЛЬКО — 3

Рассказы,
повесть

Аркадий Александрович Грищенко

О любви и не только

– 3. Рассказы, повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235401

ISBN 9785448322051

Аннотация

Автор продолжает рассказывать о жизненных ситуациях, в которых оказываются люди. Истории насыщены юмором, а иногда немного фантастичны.

Содержание

По следам своей памяти	5
Случай в деревне Грязь	11
Клятва Гиппократ	17
Рыжая ситуация	23
Сказка для Ксюши	27
Вечернее приключение	31
Ревность	36
Искусство наоборот	39
Качели любви	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

О любви и не только – 3

Рассказы, повесть

Аркадий Грищенко

© Аркадий Грищенко, 2016

ISBN 978-5-4483-2205-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По следам своей памяти

— рассказ —

В детском саду №1 в городе Шепотня недавно случился переполох. Вроде бы день начинался спокойно, детишки своевременно просились на горшочек, без особого шумаlopали манную кашку, играли в разные игрушки, что принесли их родители по причине отсутствия дома места для хранения всякой ерунды, заведующая садом по очереди вызывала в кабинет воспитательниц для пустяшных нравоучений, а воспитательницы между собой клялись отравить эту старую дуру, выжившую из ума и надоевшую им до чёртиков. В общем, день был обычный, ничем от остальных дней не отличался, к тому же приближался тихий час, когда ребятишки заканчивали свои мелкие пакости против взрослых и вскоре должны были забраться в кровати и заснуть крепким сном. Воспитательницы готовились немного отдохнуть и от детей, и от своей мымры заведующей, которая на это время обычно сматывалась домой к своему молодому мужу, она ежедневно проверяла, не слинял ли он в её отсутствие на другой адресок.

И вот в это самое время за окошком старого здания первого в городишке детского сада прозвучал автомобильный

сигнал, да так близко, что сразу стало ясно, что источник сигнала находился во дворе садика, хотя кроме продуктовой машины внутрь территории никто никогда не заезжал: строгие дорожные знаки этому препятствовали, а в Шепотне жили только строгие блюстители правил дорожного движения. За детьми родители либо приходили пешком, либо оставляли машину за пределами огороженной территории. В этот же день некто по наглomu открыл ворота и подъехал к самому корпусу. Все, включая воспитательниц и малышни кинулись к окнам, чтобы полюбоваться на негодя и посмотреть спектакль, который учинит заведующая на улице.

И всё вначале шло по расписанию. Лариса Дмитриевна, быстро схватив свой костылик, выскочила из кабинета и бросилась к выходной двери для экзекуции водителя чёрной иномарки. Выскочив на крыльцо, она поправила на переносице очки и грозно вперила зловещий, ничего хорошего не предвещающий взгляд в четырёх вышедших из машины мужчин. Один был щупленький, хиленький, похоже, мало ел и совсем не занимался спортом, особенно тяжелой атлетикой. Зато трое остальных прямо-таки были налиты свинцом, морды у них лоснились и чуть ли не лопались. И ростом они не уступали баскетболистам сборной небольшой страны. Щупленький шёл к крыльцу впереди, а троица его сопровождала.

– Кто вы такие и как посмели нарушить покой наших детей? – спросила с повышенным тоном в голосе заведующая

и приготовилась выслушать торопливые извинения. Чтобы затем над ними поиздеваться и проводить незваных гостей с территории своей вотчины, пиная сзади костылём.

– Тётя Лора? Это никак вы! – проговорил в восторге дефективный пришелец и распахнул руки для объятий. Заведующая не сдвинулась с места, это был кремень, а не человек!

– Какая я вам тётя?! – воскликнула она. – Пошли прочь от детского садика! А то я буду вынуждена пригласить сюда полицию!

– Тётя Лора! – опять пропел предводитель компании. – Конечно, это вы! Только вы можете так сурово общаться с любимыми своими воспитанниками!

Лариса Дмитриевна вгляделась в прибывших повнимательнее. Потом спросила немного сбавив тон:

– Это ты что ли, Артёмчик? Фомин?

– Ура-а-а! – воскликнул щупленький и повернулся к остальным. – Я же говорил, что она меня узнает! Конечно, это я, ваш воспитанник Артём Фомин, самый драчливый в группе семидесятого года.

Баскетболисты, державшиеся несколько позади, сдержанно ухмылялись.

– А чего ты здесь потерял? – несколько растерянno спросила Лариса Дмитриевна и подняв свой костыль, уперла его в грудь Фомина.

– То есть как это что потерял? – удивился тот. – Я же

все сорок лет мечтал вновь побывать в своём садике, повидаться с вами. А это, — он показал на сопровождавших, — мои телохранители! Мы здесь, чтобы засвидетельствовать, так сказать, своё почтение одному из мест, где я рос и набирался ума.

— И кто же ты теперь? — строго спросила хозяйка заведения. — Здоровяки, понятно, холуи твои, жопу твою берегут, а сам-то ты кем служишь?

Телохранители совсем не обиделись на слова Ларисы Дмитриевны, они, видимо, привыкли ко всякому обращению, это было не самое обидное. Артём Фомин тем временем полуобнял свою бывшую воспитательницу и представился:

— А служу я сейчас в «Роснефти», дорогая тётя Лора, в Совете директоров состою. Одновременно в Российской Думе заседаю. Теперь рассказывайте, как вы тут живёте, чем детишек кормите?

Почти силком он втянул заведующую внутрь здания и закрыл дверь, отчего баскетболисты, оставшиеся одни на улице, стали выглядеть немного растерянно.

— Давайте, показывайте! — начал командовать парламентарий, оглядывая находившихся здесь детей и взрослых. Он пошёл впереди, заглянул в столовую, в коридор, где были два туалета и ванная. — Да, ничего существенного не изменилось! — провозгласил Фомин после краткого осмотра. Дети и воспитательницы смотрели на него молча, сгруппиро-

вавшись вдоль стены у окон. Только тётя Лора по прежнему казалась суровой и недоверчиво спросила:

– Ты серьёзно всё помнишь? Или, как всегда, притворяешься?

– Как я могу не помнить? И угол этот ежедневный, куда вы меня за драки ставили, и разбитый унитаз перед Новым годом, за ремонт которого моей маме пришлось отдать кучу денег, и прежнюю заведующую Евдокию Павловну...

Фомин был ростом почти на голову ниже бывшей воспитательницы и смотрел на неё немного снизу вверх. Со стороны всё это казалось забавным. И если бы не лбы за входной дверью, Лариса Дмитриевна поставила бы бизнесмена на место значительно раньше. Но время уже пришло и ей ничего не оставалось, как пойти в атаку:

– Если ты так о саде помнишь, Артём, да ещё такие должности занимаешь, то хотя бы спросил, нуждаемся ли мы в чём-нибудь!

– А что? Нуждаетесь? – действительно поинтересовался Фомин, глаза его повлажнели. – Завтра же целенаправленно переведу на счёт сада пару сотен тысяч, что-то приобретёте, детей порадуете. А теперь проводите меня, спешу в Москву, завтра заседание Думы.

Они вышли, тётя Лора проводила забияку Фомина до машины, прибывшие погрузились в иномарку и выехали с территории. Заведующая лично затворила ворота и возвращалась мимо окон очень задумчивая. Войдя внутрь она скоман-

довала, прежде, чем войти в свой кабинет:

– Всем спать! – и дети кинулись по своим кроваткам. А воспитательницы собрались в кружок у игрового стола для обсуждения этого нерядового события.

Случай в деревне Грязь

— рассказ —

Кажется странным, но мы с Вероникой всегда попадаем в какие-то переплёты: то НЛО нам повстречается, то заблудимся в небольшом лесу, поехав за грибами, то рыба попадётся таких размеров, что мы не знаем, что с ней делать, то ещё что-нибудь. Мне дочка в таких случаях обязательно говорит:

— Ну, вот, начинается! Пап! Скажи мне, пожалуйста, когда к нам всякая чертовщина приставать не будет?

Девочка моя горячится. Конечно, вовсе это не чертовщина, а обычная жизнь, в жизни всегда есть место подвигу, как сказал один замечательный публицист, а сотни других за ним повторили. Лично мне всё это кажется обычным приключением, я от приключений просто тащусь, всегда хочется найти из любой ситуации, какая бы запутанная она не была, достойный выход. Чаще всего так и происходит, но бывают и исключения. Про один такой случай и хочу рассказать.

Про мою Веронику вы, конечно, знаете: девчонка школу заканчивает, дружит с Сергеем из приличной конторы, уже длительное время выбирает себе работу — кем быть после завершения учебы. Как обычно — профессию подберёшь,

в нужный институт и поступишь. Чтобы тебя везде с руками отрывали. Она у меня – умница, вся в маму – покойницу, чаще она меня по каким-то вопросам учит, чем я её. Живем мы с ней в трехкомнатной квартире в столице и прикупили недавно небольшой дом в качестве дачи в деревне Грязь. Да, та самая деревня... У нас уже с этой звёздной семьёй было одно нехилое приключение, никак забыть не можем, о нём я рассказывал ранее. Сегодня же речь пойдет о других делах.

За своей дочерью я ни разу не замечал, чтобы она близка была к искусству, например, писала стихи, сочиняла романсы, пела хором на вечеринке с подружками. И тем не менее, услышал я от неё в пересказе интересный диалог, состоявшийся у Вероники с самим метром нашей загнивающей эстрады. Конечно, с Филиппом! Шла как-то моя Ника по деревне домой из магазина, да припозднилась слегка из-за нашей грибной охоты – слишком долго по лесу бродили. А к вечеру оказалось, что на ужин кое-чего не хватает, чтобы отец с дочкой хорошо и культурно отдохнули. И вот возвращается она из сельпо с полной сумкой продуктов – не на машине же 300 метров ехать, уж лучше чистым воздухом подышать! И моя лапочка тихо себе напевает по дороге какую-то песенку из старого – престарого репертуара АБ. А недалеко от замка стояла длинная чёрная машина, окно открыто, крупный самец за рулем по сторонам поглядывает, электронную сигарету курит. И вдруг выходит быстро из машины прямо перед моей Вероникой, весь как в сусальном золоте усы-

панный, сразу ясно, что с гастролей прикатил и кого-то пока не дождался.

– Любушка-голубушка! – говорит добрый молодец в наступающем полумраке. – Да как славно вам песня нашей Примадонны подходит! Давно ли петь начали, где музыкальной грамоте обучались?

Моя совсем сначала очумела, не ожидала на дороге Киркова повстречать! Но на язык всегда была бойка, всякому сумеет нормально ответить:

– Что потеряли вы здесь, мил человек? Раскрасавицу свою низенькую? Разве сегодня Галкин в отъезде?

– Молчи, негодница! – вырвалось у певца. – Мы же про тебя разговор завели, а не про других здесь отсутствующих! Ответ мне лучше, обучаться ко мне пойдешь? Я же ведь и Аньку Лорак в люди вывел и Настю Стоцкую. Слух у нас с тобой одинаково хорош: ты здорово поёшь, а я слушать умею! Ну, так что?

Обошла его сторонкой Вероника, чтобы быть поближе к отцовскому дому и сказала:

– Шел бы ты, козёл старый! Шлепай по мордам баб-журналисток, а к честным девушкам не приставай! – повернулась и – быстрее до дома. Конечно, долговязому Киркову за ней не угнаться, у Вероники как никак – первый разряд по бегу.

Пришла она домой вся взъерошенная и вот первое, что сказала:

– Там Киркоров ко мне приставал! Петь хотел научить!

Конечно, я сначала возмутился, хотел за обидчиком сбегать, привести, чтобы извинился, но вспомнил, что тот по пьянке в какой-то забегаловке кому-то нос расквасил в драке, кажется неутомимому борцу с попсой Юрию Шевчуку. Поэтому я довольно быстро остыл, к тому же Вероника мне и остальное всё сразу рассказала.

– Вот, коза! – немного расстроился я. – Когда это ты песни научилась петь? Может, Филипп совсем не хотел тебе зла?

– Ты что, па? – удивилась дочь. – Какого зла? Что он мне мог сделать? Схлопотал бы по первое число, да и только! Ты ведь не в курсе, а я с Серегой не только бегом на секции занималась, мы там ещё и кандидатами в мастера спорта по одному из видов японской борьбы стали. Название не скажу: звучит по-русски очень нецензурно!

Вот так, воспитываешь дитя, воспитываешь, ухаживаешь, а оно тебе такие неожиданные сюрпризы преподносит! С другой стороны, как представил я Киркорова, лежащим в дорожной грязи после борцовского иностранного приема с матерным названием, и немного приятно стало.

Так просто я все равно этого не оставил и на следующий день позвонил в колокольчик у замка. Дверь открыл Максим, а за ним весь мокрый от купания в бассейне подтянулся Киркоров с натянутым поперёк махровым полотенцем. Он как-то задумчиво поглядел на меня и сказал:

– Так вот в чём дело! Вчера я вашу, оказывается, дочь здесь встретил, но как поёт! Я после той истории её сразу не узнал, год всё-таки прошёл, и тогда никакого голоса не заметил, а сейчас!... Представляешь, Максим! Идет мимо машины такая пигалица и Аллы Борисовны песню про лето поёт! Главное, по-своему! Да ещё...

– Ну, хорошо! – остановил Галкин Филиппа. – Что ты разошёлся-то так? Влюбился, что ли? Так у тебя почти взрослые дети дома, окстись!

– Ну, не такие они и взрослые, если разобраться... – пробормотал Филипп в ответ.

Здесь Галкин начал злиться:

– Слушай! Мне эта мура надоела. То ты одну за другой учишь пению, потом ещё одну – журналистике, а от третьей у тебя хоровод детишек заводится! Шёл бы ты своей дорогой! Иди, а я дверь закрою! – и Максим так естественно и широко раскрывает дверцу в воротах замка, что сразу видно, что она достаточно просторная, чтобы легко пропустить великана-болгарина на хорошую подъездную дорогу. Естественно, Филипп опомнился и весело так сказал, как бы оправдываясь:

– Да будет тебе, Макс! Она ещё пацанка, к тому же мы с тобой вряд ли когда изменим Примадонне!

Следует отметить, что после таких слов Галкина как скрутило. Он махнул рукой и пошёл в свои хоромы, а мы с Кирковым ещё маленько потрепались про Веронику. Я за неё

извинился, конечно, просил не обижаться, причём зачем-то и про японскую борьбу упомянул. Здесь он испуганно на меня поглядел и сказал:

– Да, вот борьба – это аргумент серьёзный! Спасибо вам за то, что вы, как истинный русский патриот растите в одиночку такую хорошую девочку. Но поверьте мне, старому лоботрясу: придёт время, и ваша Ника всех нас заткнёт за пояс...

После этой фразы мы расстались: я пошёл будить мою будущую минипримадонну, а Киркоров пошёл искать для извинений Галкина. И в итоге я посчитал, что у этой короткой истории мне достойный выход найти не удалось.

Клятва Гиппократата

— рассказ —

Мишка Соловьёв грелся на солнышке, оставшись в одних семейных трусах. Он попал на этот дикий пляж случайно — проезжал мимо после посещения больной старушки в деревне Коклюшкино. «Вот интересно, — рассуждал он, лёжа на стареньком ватнике, извлечённом из недр вазовского багажника, — живёт некая старушенция в проклятом богом Коклюшкине, а на деревню как раз из-за этого нездорового названия навалились все беды. Мне оставшихся здесь людей, которым от семидесяти пяти до девяносто лет вряд ли удастся поставить на ноги. Так и будет главврач посылать меня в эту глушь, пока все не перемрут». По пляжу гуляли деревенские гуси, гадили на траву невероятно, изредка по-своему переговариваясь, и тоже, видимо, про оставшихся в живых своих хозяев. Скорее всего, гуси уже давно ожидали одинокой старости. Где-то вдалеке залаяла собака, но эта точно была из другого селения, посёлка, считавшемся на хорошем счету — под названием Божья Коровка. Он стоял рядом с автомобильной трассой, объединяющей два крупных города, и всё население из Божьей Коровки ежедневно ездило работать на крупные заводы и фабрики, получали неплохую зарплату, а по выходным дням с большим удовольствием пьян-

ствовали и пели разнообразные песни российских и европейских композиторов. Люди там жили грамотные, у каждого имелся классный мобильный телефон, по которому они с удовольствием поливали друг друга разными нецензурными словами. Обо всём этом Соловьёв знал, так как однажды и в этом посёлке ему пришлось полечить одну вдовушку, правда, не совсем даже полечить. Та при приезде врача внезапно передумала болеть и дико набросилась на него со словами:

– Извини, сынок, давно уже живу одна и все болезни только от этого! Не ленись хорошо полечить, я тебе много денег дам! – а сама быстро стала раздевать их обоих сразу. Соловьёву удалось в тот раз ускользнуть и остаться девственником, а после того случая в Божью Коровку ездить наотрез отказался, вплоть до увольнения. Тогда главный врач Инга Петровна Захарова обрекла его на окончательное искоренение деревни Коклюшкино.

От больницы до Коклюшкино добираться в грязь было невозможно, поэтому Михаил оставлял свою копейку у того места, до которого ещё можно было вручную машину допихать, а дальше шагал ножками, распевая подслушанные в Божьей Коровке песни. Встречные гуси не одобряли заунывного пения Соловьёва, сноровистой походкой бежали впереди обратно в своё Коклюшкино, помогая себе крыльями, отчего Соловьёву ни разу не удалось заблудиться. По-

сле окончания мединститута Михаил попал по распределению в такую занюханную больницу, что много раз подумывал с горя повеситься, но так и не решился. Этому ещё помогло одно странное обстоятельство: ему удалось неожиданно вылечить старого колченогого Василия Ивановича Дрыча, участника нескольких международных войн и междеревенских схваток. Дрыч имел пятьдесят две медали за боевые заслуги, правда, ни про одну он не смог вспомнить, чем её заслужил. Орденов у него, к сожалению, не было и он частенько из-за этого горевал, даже потихоньку плакал, когда хворал на постели. Жена Праксинья была похоронена у него в саду, и, поправившись, местный Чапаев всегда приносил к надгробью полевые цветы. Чапаевым его с давних пор величали односельчане из-за имени-отчества. Михаил тоже так к нему обращался, когда прибывал по вызову. А в первые дни после приезда из института Соловьёву приходилось чаще всего приезжать по жалобам именно Василия Ивановича. После смерти жены у старика в гостях перебивали все встречающиеся в России болезни, он даже первое время их регистрировал в толстой тетрадке, потом страницы там закончились, и он с этим завязал. К тому же молодой Соловьёв, используя несколько народных рецептов, переданных ему по наследству своей прабабушкой, смог поднять Чапаева на ноги. Нельзя было сказать, что теперь тот смог бы играть в футбол или исполнять прыжки с шестом, но ходить по деревне и выгуливать осатаневших от скуки гусей он вполне мог

и даже с удовольствием этим занимался, одновременно навещая хозяев гусей и сообщая в больницу, к кому пора бы уже опять наведываться. То есть Чапаев не оставлял теперь Соловьёва без работы.

Тёплый ветерок обдувал тело молодого врача, лежащего голышом близ чистого заросшего камышом пруда, когда на его лицо попала чья-то тень. Михаил быстро сел на фуфайке и стал разглядывать посетившего его человека. Когда глаза «отошли» от ярких солнечных лучей, Соловьёв узнал своего бывшего однокурсника Дмитрия Пирогова. Тот стоял рядом, изучая окрестности и потрёпанную «копейку». На гусей Пирогов внимания не обратил. Ближе к сухой просёлочной дороге блестел шикарный черный «Фольксваген».

– Привет, Мишаня! – взволнованно сказал Дмитрий. – Никак не ожидал тебя здесь встретить!

– Да, признаться, и я тебя тоже! – ответил Соловьёв, быстро напяливая дешёвую одежонку. – Какими, так сказать, судьбами да в наши края?

Пирогов озадаченно переводил взгляд с Михаила на «копейку», на его одежду, на засратое гусями поле.

– Так ты у Инги Захаровой работаешь? – наконец спросил он.

– Конечно! – почему-то развеселился Михаил. – И ты к нам решил переехать? Просто здорово, поможешь мою деревню Коклюшкино поднимать...

– Что за Коклюшкино? – испугался Пирогов. – Ни о каком таком Коклюшкине мы с Ингой не договаривались. Она предложила мне Божью Коровку!

Соловьёв присмотрелся к старому приятелю повнимательнее.

– А как ты вообще в наши края попал? Ведь у тебя свободный диплом был, ты, кажется, к родителям в Самару подался...

Дмитрий поморщился, вспоминая свои неприятности и нехотя ответил:

– Был когда-то свободный! Как раз в Самаре и залечил я одного фраера до смерти, теперь вот отослали в глушь... Не виноват же я был, что тот фраер, хотя по всему виду на богатого крутого смахивал, а никаких лекарств не переносил и после моего второго посещения скovyрнулся! Я же ему такое импортное снадобье сыскал, что ожидал значительно поощрения за услуги, а теперь вот... – и Дмитрий огорчённо махнул рукой.

Они посидели на капоте Соловьёвской «копейки», помолчали. Потом Пирогов спросил:

– А Божья Коровка эта далеко находится? Долго ехать?

– Да нет, несколько километров будет отсюда. Местечко получше будет, чем моё Коклюшкино, так народ хоть с деньгами, поэтому с лекарствами проблем не бывает, аптека в посёлке имеется.

У Пирогова перестало быть хмурым лицо, когда он про

деньги услышал и, ещё раз взглянув на полусерый от старости капот Мишкиной «копейки», он предложил:

– А что, если мы с тобой скореемся и всю эту Коровку вылечим? Не задаром, конечно. Я помню твои успехи на поприще медицины, ты бы мне как помощник, сгодился бы!

– Нет-нет! – горячо отказался Соловьёв. – У меня достаточно своих пациентов, они очень ждут от меня помощи. Я же клятву Гиппократ давал!

– Клятва клятвой, – раздумчиво проговорил Пирогов, – но разве ты против побывать на Гаити? Или на средиземноморских пляжах? Ведь при правильной постановке вопроса всё решаемо!

Молчком Михаил соскочил с капота, поправил рубашку, залез в машину и уже оттуда ответил бывшему другу:

– Нет, Дима! Я клятву давал! Чапаева на ноги вот поставил, а теперь, кажется, и баба Таня стала поправляться. Их в Коклюшкино-то всего семь человек осталось, года на два работы... Прощай, дружище! – он завёл машину и медленно уехал с прибрежного естественного пляжа под громкий гомон гусей.

А Дмитрий Пирогов остался стоять под полуденным солнцем, долго соображая, при чём во всей этой истории оказался герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев?..

Рыжая ситуация

— рассказ —

Огромный пылающий шар на небе жёг отдыхающим спины, животы, ноги и другие части тела. Дружников скосил глаза на загорающую справа молодую рыжую соседку и — неожиданно для себя самого спросил:

— Вы сегодня вечером не заняты?

Рыжая вздрогнула, подняла голову и, посмотрев на Дружникова, как ближайшего к ней человека, уточнила:

— Вы у меня спрашиваете?

— Ну! — коротко, но доходчиво ответил Дружников. Он немного стеснялся, так как в родном городе остались жена и трое ребятишек.

— Не занята, а что? — вызывающе сказала Рыжая.

Здесь Дружников не к месту вспомнил ещё дочку Машу от первой жены, с которой он расстался полтора десятка лет назад, и ответил:

— Может, в кино вечером сходим?

— На «Кавказскую пленницу»? Здесь — в этом посёлке — больше ничего не идёт, но должна признаться, что этот фильм меня задолбал! — затем Рыжая легла вновь на песок и вызывающе повернулась к Дружникову спиной.

Поскольку командировка складывалась с определёнными трудностями в оформлении технической документации и на несколько дней Дружникову всё равно приходилось задерживаться, а кроме отвернувшейся от него Рыжей с её конопатой спиной других объектов для развлечения не было заметно, он, немного помолчав, повысил голос и спросил:

– А если не в кино, то какие имеются другие предложения?

Соседка что-то пробурчала в песок.

– Не расслышал! – переспросил Дружников.

Рыжая перевернулась к нему передом и, мечтательно глядя в даль, сказала:

– Надраться вдрызг! До тех пор, пока не вывернет наизнанку...

Дружников не на шутку испугался. С ненормальными он дела иметь не хотел, поэтому быстро встал и стал собирать вещи с песка.

– Да я пошутила! – успокоила его Рыжая. – Меня Наташа звать, а тебя как?

Дружников посмотрел на неё внимательнее. Рыжая Наташа смотрелась здорово! Она появилась недавно, и обгорать ещё не начала. Загар ещё не проявился на её молодом пышущем здоровьем теле, а тело было по параметрам близким к модельным. Да и на мордашку претензий не было, вылитая Анфиса Чехова пополам с Лерой Кудрявцевой.

– Артём я! – успокоился Дружников, протягивая руку

во имя знакомства.

– Детей очень много наплодил, Артём? – поинтересовалась Наташа.

Дружников огляделся вокруг. Не смотря на хорошую погоду и тёплое море в нескольких метрах от него, пляж выглядел уныло из-за небольшого количества отдыхающих. Пара человек барахталась в слабых волнах у берега, да ещё с десятков лежали в разных позах, загорая.

– Много! – резко сказал Дружников. – Ты никак за меня замуж собираешься? Я не против, будешь третьей...

– Какой-то ты, Артём, нервный! – удивилась Наташа. – Я замуж уже пять раз собиралась, но так до финального конца и не добралась. Ты здесь, надеюсь, один?

– Да.

– Так я собираюсь?

– Надраться хочешь? Я много не выпью, – виновато сознался Артём, – у меня предынсультное состояние было...
Бутылку пива если?

– Согласна, – стала одеваться и собирать вещи Рыжая, – тебе бутылку пива, а мне – водки. И посоревнуемся, кто быстрее выпьет. Если ты проиграешь, то будешь со мной до утра. Если не доставишь мне удовольствия, то пожалеешь, что на свет родился! Замётано?

– Замётано! – не совсем оживлённо согласился Дружников. – А в каком месте придётся доставлять удовольствие?

– А я здесь недалеко снимаю комнату, – сообщила Рыжая,

играя призывным взглядом, – кондиционер имеется, соседи пока отсутствуют. Так что ты уж постарайся!

Дружников ещё раз оглянулся, понимая, что на сей раз снимают его самого. Он уже представлял всю ситуацию: съёмщица была не душой выпить, в холодной от кондёра маленькой комнате предстоит действительно сильно стараться, чтобы не замерзнуть. Ему стало страшно, когда он подумал, что может не справиться с заданием. А ведь ему уже далеко не двадцать лет! Что она имела в виду, когда сказала: пожалеешь, что на свет родился? Артём шёл рядом с высокой рыжей красавицей и пытался найти план спасения. Вид Наташи вызывал восхищение, но уже не вызывал желания. И когда после магазина они вошли в прохладную Наташину комнату, где она сразу скинула в угол свои босоножки и стала ловко откупоривать бутылку «Путинки», Дружников зубами вскрыл крышку «Арсенального», моментально высосал всю бутылку и со словами: «А я – первый!» открыл дверь и был таков!

Он шёл по тихой жаркой улице посёлка, с него лил пот, но он был очень доволен ситуацией. «Люсенька! – шептал Дружников. – Видишь? Я тебе не изменяю!».

Сказка для Ксюши

— миниатюра —

Однажды в холодный сумрачный день Ксюша сидела одна дома и ждала папу с мамой из гостей. Они вынуждены были уйти в гости к соседям по этажу, к этим шумным Ивакиным, которых Ксюша терпеть не могла. А не могла она их терпеть по той простой причине, что тетя Наташа Ивакина при встречах всегда сует ей невкусные конфеты, а дядя Петья Ивакин грубо хватает Ксюшу на руки и целует в обе щеки слюнявыми губами. Вот почему Ксюша и осталась дома, хотя ей всего четыре с половиной годика, и мама с папой не хотели её оставлять, но в то же время они не хотели обидеть Ивакиных — папа начал жить вместе с ними на одном этаже уже двадцати лет назад, тогда Ксюши ещё и в проекте не было. И даже Ксюшиной мамы в папином проекте тоже не было. Ксюша всё это понимала и отпустила своих родителей, взяв с них слово, что они придут не позже десяти часов вечера. Ксюша была уже большая и довольно легко разбиралась со стрелками на часиках, а также могла при случае позвонить по домашнему телефону.

Мама написала ручкой на листке бумаги крупные цифры соседского телефона и попросила дочку сразу позвонить, ес-

ли что-то пойдёт не так. Папа в это время завязывал галстук и оглядывал себя в зеркале в прихожей.

Ксюша на всякий случай уточнила:

– Мам, а что значит – пойдёт не так?

– Пойдёт не так, дочка, это когда ты столкнешься с чем-то неожиданным, с чем-то таким, что тебе будет в новинку, что ты ни разу не видела.

– Ага! – удовлетворенно кивнула Ксюша. – Значит, если к нам через дверь войдёт белая пушистая киска, то это будет что-то не так?

Ксюшина мама на духу не могла выносить кошек. Мало того, что они царапали мебель, гадили не там, где их приучали, так ещё от них у неё была страшная аллергия. И мама не поддерживала любовь своей дочки к этим неприятным животным. Кстати, собак она тоже терпеть не могла. Здесь интересы Ксюши сильно расходились с мамиными, поэтому мама сразу сказала:

– Ксюша! Не придумывай, пожалуйста! Никакие кошки ни через какую дверь сюда не войдут, мы тебя закроем на ключ. Телефон существует как раз для того, чтобы ты меня своевременно предупреждала про всяких призрачных кошек и собак. Я приду и наведу здесь порядок! Вернёмся – папа расскажет тебе на ночь хорошую сказку.

Ксюша пригорюнилась. Даже помечтать эти родители не дают! Ну что это за жизнь? Когда дверь за папой с мамой захлопнулась, Ксюша села против телевизора и стала смот-

реть мультфильм про Шрека. Шрек был забавный и очень влюбчивый. Ксюше тоже один мальчик в садике нравился, правда, он сильно смахивал на диснеевского Шрека своими растопыренными ушами, зато всегда мыл руки с мылом перед едой и один раз принёс Ксюше маленькую красную розу перед 8 Марта. Роза была красивая, но на шипастой веточке и, уколов три раза пальчики, Ксюша незаметно выбросила её в форточку, а мальчику сказала, что розы не любит, и с тех пор цветы он приносил другой девочке, которая была очень страшная – страшнее паровозного дыма.

Когда мультфильм закончился, Ксюша стала смотреть на стрелки часов и удивилась, почему это они так медленно двигаются. Вот когда она летом с папой и мамой была в зоопарке, то там высоко подвешенные над проходом часы шли как угорелые. Ксюша не успела за два часа всех зверей посмотреть, а её силком уволокли домой. Сейчас же каждое движение минутная стрелка делала с таким трудом, что казалась простуженной. Конечно, Ксюша знала, как залезть под стекло ближе к циферблату и пластиковой палочкой помочь стрелке двигаться, но это было бы нечестно по отношению к папе и маме, поэтому Ксюша от этой идеи отказалась.

Потом она стала смотреть из зала на входную дверь: а вдруг произойдёт всё-таки что-то не так и белая киска придёт к ней в гости. И действительно, киска к ней пришла, хотя мама, похоже, этого очень не хотела. Она вальяжно проникла под дверь, мяукнула и стала играть с Ксюшей. Сначала ей

хватило небольшого поглаживания по спинке, она присела и замурлыкала от удовольствия. А затем Ксюша нашла кусочек белой нитки, привязала клочок от красного листа бумаги и – понеслась потеха! Ксюша бегала из угла в угол по залу, а пушистая гостя прыгала за предполагаемой мышкой и иногда умудрялась поймать её, пожевать для вида и снова выпустить, предлагая Ксюше продолжить игру.

В один прекрасный момент Ксюша проснулась от какого-то постороннего шума. Оказывается, вернулись её родители. Папа сразу перенёс дочку в свою постельку, и сквозь сон Ксюша слышала, как он продолжил разговор с мамой:

– Слава богу, ничего не случилось! Наша киска становится всё старше и даже смогла остаться ненадолго дома одна. Теперь она уже спит, а я займусь другой кошечкой!

– Так мой котик не притворялся у соседей? – ласково спросила мама папу.

«Как странно, – подумала, окончательно засыпая, Ксюша, – кажется, мои родители за эти несколько часов отсутствия успели полюбить целую кошачью стаю...»

Вечернее приключение

— рассказ —

Случилось это уже во второй половине дня, когда супруга Николая Петровича срочно побежала к подруге на другой конец улицы, видимо, не все новости по телефону можно обсудить, некоторые – только с глаза на глаз. Раз хозяйка за порог, то хозяин себе занятия стал самостоятельно придумывать. Залез в душ, помылся, белье свежее одел, приготовился завтра на работу после рождественских выходных. Присел у телевизора, да потом вспомнил, что не заглядывал два дня в почтовый ящик, а наверняка районку принесли. Как был в халате, хозяин вышел на площадку, притворил неплотно дверь и стал спускаться к своему почтовому ящику, поигрывая его ключом. Газеты, к сожалению, не оказалось. В подъезде было так холодно, что Николай Петрович поспешно затрусил вверх по лестнице, но у двери он ощутил страшное разочарование, так как дверь оказалась запертой, порыв ветра, проникший в подъезд, захлопнул её перед самым носом. В более глупом положении он, вероятно, никогда не оказывался. Было холодно. В соседней квартире справа – в одиннадцатой – никто не жил уже лет десять. Другьям в двенадцатой квартире можно было не звонить, так как они сегодня уехали погостить к дочке в Рязань. Оставалась только

девятая на этом этаже, либо пришлось бы забираться выше или ниже этажом. Надежды на девятую квартиру было мало, потому что здесь жила молодая особа, которая дома появлялась довольно редко, они с мужем чаще ночевали у родителей. Но время поджимало, тело мёрзло, и Николай Петрович нажал на кнопку звонка.

Какое-то время за дверью было тихо. Потом голос соседки тихо спросил изнутри:

– Кто?

Давно так не радовался Николай Петрович. Как будто бы он уже очутился внутри. Где тепло и уютно.

– Это сосед из десятой квартиры! – торопливо начал он. – У меня несчастье, откройте, ради бога!

Замок щёлкнул, дверь приоткрылась и в щели показалось испуганное лицо хозяйки квартиры:

– Что случилось?

– Дайте войти! – простонал застывающий от пронизывающего рождественского холода в неотапливаемом подъезде Николай Петрович и, отодвинув плечом дверь с хозяйкой, ворвался внутрь, к теплу.

Альбина оказалась очень недовольной вольностью соседа. Она стала перед ним в коридоре неприступной стеной, не пуская дальше, хотя дверь успела закрыться – к счастью Николая Петровича. Он, зябко кутаясь в халат, стал сумбурно объяснять молодой Альбине происшедшее. У той лицо

по-прежнему оставалось очень недовольным, как будто её пытаются начать насиловать.

– Ну что ты, дорогуша? – наконец уяснил проявляемую к себе неприязнь Николай Петрович. – Хочешь, чтобы я замерз под твоей дверью? Случилась неприятность, вот и всё. Жена скоро придёт и освободит от моего присутствия. У самой что ли не бывало подобного?! Сколько раз по телефону звонить прибегала, пока свой не провела – мы же тебя не выгоняли...

Альбине не жалко было для соседа квадратного метра жилья на время, но здесь вмешалось одно обстоятельство, о котором Николай Петрович знать не мог: в туалете однокомнатной квартиры сегодня сидел и ждал развития событий спрятавшийся любовник энергичной Альбины, её начальник Милюков Валентин Иванович, а для неё по-простому – Валечка. Показать Милюкова было невозможно, никто не должен был знать про служебный роман Альбины. Потому что муж у неё к современным нравам относился подозрительно и наверняка мог значительно накостылять Валечке, не взирая, чьим начальником там он был. Как теперь покинуть квартиру, когда настырный глазастый сосед рядом? Головка у бедной Альбины враз заболела от навалившихся проблем. И кроватное мероприятие сорвалось, так тщательно спланированное задолго до Нового года. К тому же обещавшее небольшое, но долгожданное повышение по службе.

Но ситуация диктовала сейчас принятия каких-то сроч-

ных мер. Кто вперёд появится: жена Николая Петровича или муж Альбины – никто предугадать не мог, а рисковать ей не хотелось. Поэтому на нижайшую просьбу зайти в туалет, чтобы сходить по маленькой, Альбина протестующее схватила соседа за рукава пушистого халата и потащила его в комнату:

– Нельзя! Там у меня беспорядок! Посидите в кресле у окна.

– Но я же продрог, мне, извини, отлить надо! Пусти, пожалуйста, бог с ним, с беспорядком, я глаза могу закрыть, если хочешь!

Альбина приходила понемногу в себя и старалась держать всё под контролем:

– Сказала, что нельзя – значит, нельзя! Сейчас греться будем. – Она придумывала, как создать условия для Милюкова, чтобы он мог бесшумно смыться. Сейчас не до хорошего, главное сохранить всё в тайне.

А у соседа, как назло, видимо, разрывался мочевой пузырь, потому что он упирался и не шёл в комнату, всё цеплялся за дверь туалета, где беспокойно вздрагивал Валечка, сидящий в крошечной темноте на крышке унитаза и готовящийся драпануть, как только появится возможность. Он знал об особенностях характера мужа Альбины и не желал быть покалеченным.

Альбина решила использовать все возможные методы, чтобы помочь любовнику. Она ласково попросила Николая

Петровича:

– Пойдёмте чаю попьём, мы ведь с вами как следует друг друга-то и не знаем! Пользуясь моментом, так сказать. У меня есть чудесный торт. Рождественский! Вы мне его порежете, пойдёмте на кухню. – И она первый раз за эти минуты попыталась кокетливо улыбнуться.

Николай Петрович взвыл и стал рвать неподдающуюся дверь для желанной встречи с унитазом, но не получалось. И когда он мельком заметил, что Альбина, готовая на всё ради своего начальника, у которого была о-о-очень ревнивая жена, расстегнула свой короткий халатик и начала его распахивать, пытаясь всё-таки увлечь соседа из коридора в комнату и на кухню, освободив путь для бегства Милюкова, с рёвом экзотического бизона Николай Петрович распахнул наружную дверь и выскочил на площадку. Он увидел вернувшуюся жену Клаву, возившуюся с замком, и обрадовался, как никогда в жизни. Хотя и досталось ему дома – Клава тоже была живым человеком и не сразу взяла в толк, отчего её муж такой возбуждённый выскочил в одном халате от соседки – но всё обошлось и жизнь как-то сразу наладилась.

И не знал он, что некий Валентин Иванович Милюков, раздосадованный происшествием, не мешкая ни минуты также быстро выскочил из девятой квартиры, покинув уютный уголок, где иногда предавался плотским утехам. Альбина не получила желанного повышения. Но зато всё осталось в бо-о-ольшой тайне!

Ревность

— рассказ —

В парикмахерскую зашёл сутулый, чуть прихрамывающий мужичонка, весь заросший, будто он не стригся полгода. Женщина у кассового аппарата, вынужденная взглянуть на него, оторвавшись от пёстрой книжонки, слегка вздрогнула, но виду не подала и кивнула в сторону мужского зала:

— Проходите!

Посетитель снял куртку и тихонько прохромал в светлый, просторный зал, где было несколько кресел с клиентами, над головами которых трудились мастера парикмахерского искусства, превращая их в художественные произведения. Ну, в общем, обычная российская цирюльня, не отличающаяся от таковой же старого советского образца.

Заняв единственное свободное место, новичок успел бросить взгляд вокруг и оценить труд здешних работниц. Они были разного возраста, по-разному одеты и стригли таких же разных клиентов. Подошедшая розовощекая девица — как говорится: кровь с молоком! — спросила, начав заворачивать его шею лентой и накладкой:

— Как желаете?..

Нужно отметить, что голос у неё был не очень радостный.

Понятно: предстояло тяжёлая работа по освобождению этой головы от большой массы волос. Поэтому следующий вопрос показался хромоту несколько вызывающим:

– Может, только чуть подравнять?

– Нет-нет! Молодёжную, какую-нибудь. Ирокез, например, или как там называется...

Парикмахерша Евдокия от этих слов в обморок не упала, жизнь закалила её, и не такие встряски бывали! Она начала манипулировать ножницами, электробритвой, расчёской. Подруги с любопытством поглядывали на происходящее, продолжая колдовать над своими клиентами. Им было искренне жаль Дусю, сейчас Дусе явно не повезло, вокруг неё на полу слой за слоем накапливались полуседые волосы.

Пожалуй, в середине операции по приведению хромого в порядок все обратили внимание, что Дусин клиент мало того, что очень оброс, он ещё и страшен, как дьявол: длинные уши, крючковатый нос, белесые глаза на выкате... Под копной нечёсанных волос этого не было заметно, зато теперь появлялось наружу. Хотя костюм, да и вообще весь прикид был в целом приличен.

Дуся спешила завершить стрижку, прибраться и пожевать в сторонке банан, но в самый разгар работы загудел вызов мобильного телефона и длинноухий, отстранив от машинки голову, вытащил его из кармана:

– Да! Где? Нет, я не шляюсь, – здесь все прекратили работу, прислушиваясь, – нет, родимая, я – в парикмахерской...

Стригусь... Почему тихо? А должно быть громко? – Он посмотрел на притихший зал.

Дуся нервно засмеялась. Клиент дико посмотрел на неё и стал быстро говорить в телефон:

– Машуля! Ты меня зря ругаешь, я не у шлюх! Сейчас постригусь и... Как где? В нашей парикмахерской. Здесь вокруг одни парикмахерши, приличные девочки! Зря ты их... Я сейчас попрошу кого-нибудь подтвердить, да, подожди...

Мужичонка посмотрел на ближайшую девочку Дусю и жалобно попросил, протянув мобильник:

– Подтвердите, что я у вас в парикмахерской!

Дуся почему-то испуганно отшатнулась.

– Сотню дам! – взвизгнул клиент и посмотрел на других. Никто не подходил. Из телефона явственно несло:

– Кобель! Приличные девочки!!! Опять по бабам! Через десять минут не появишься – не пущу домой!!! Слезай быстрее с этой сучки или я ей самой такую стрижку сделаю! Хихикает там...

Дуся быстро отодвинулась ещё дальше от опасного клиента.

Неожиданно тот сорвал с себя накидку с обрезанными волосами и опрометью кинулся меж кресел к выходу. Голова его, наполовину остриженная, действительно напоминала сказочного ирокеза былых времен. Таким он и остался в памяти присутствующих навсегда.

Искусство наоборот

— рассказ —

В проулке было очень неудобно, темно и холодно, ветер пронизывал до костей. Андрей кутался в полушубок, ему казалось, что от холода зубы выбивают барабанную дробь на целый квартал. Он выглянул из-за угла и сразу же дёрнулся обратно. Клиент был почти рядом, может быть, он даже заметил Андрея, а это уже плохо, могло не получиться неожиданности, он мог успеть окликнуть своих охранников, шедших в трёх-четырёх метрах сзади, тогда было бы проблемой убежать и замести следы.

Андрей быстро подтянулся на руках и забросил своё сильное тело на чердак сарая, достал пистолет и снял его с предохранителя. Освещение на улице было достаточным для того, чтобы хорошо прицелиться и поразить близкую цель. Как только фигура Лысого показалась в просвете, Андрей нажал на курок. Звук выстрела на мгновение оглушил Андрея, но, недолго думая, он выпрыгнул с другой стороны сарая и пробежал задворками на параллельную улицу, быстро сел в «шестьёрку» и поехал через центр на Большое шоссе. Где-то далеко сзади прогремело несколько выстрелов. Редкие прохожие испуганно озирались.

Ирина Андреевна сидела на подоконнике в свободной позе, лёгкая улыбка освещала её аккуратное кукольное личико, светлая блузка подчеркивала приятные для глаз Филиппа формы. Хотя у главаря димитровской группировки дел было невпроворот – работа с заказчиками отрывала много времени, к тому же он давно решил вкладывать средства в легальный бизнес и уже начал это делать с помощью двух расторопных мальцов, недавно закончивших в Москве юрфак, – Филипп Матвеевич Неварко не мог жить без этой пухленькой особы, она так его заводила, что он мог часами продолжать с ней встречу, не откликаясь на звонки мобильного телефона. Охранники в «предбаннике» подолгу томились без дел и уже изучили огромное количество картёжных игр из потрёпанной книжонки, позаимствованной в свое время у Валька-драного, убитого ими же на одной из стрелок.

Вот и сейчас они с тупыми, редко светлевшими от азарта лицами махали картами, бросали их на прозрачный журнальный столик, выражаясь не вполне цензурными словами. Неварко в это время млел от счастья близкого общения с Ириной, ему хотелось доставить ей какое-то неземное удовольствие, чтобы она чувствовала постоянную благодарность к своему покровителю.

– Что задумалась, малышка? – спросил Филипп, с нежностью глядя на свою пассию.

Ирина Андреевна подняла на него огромные печальные

глаза, почему-то полные слёз, и промолчала. Это сразу подтолкнуло хозяина к активным действиям. Он подскочил к любовнице, обнял и стал утешать, поглаживая по волосам и приговаривая:

– Ну, что с тобой? Успокойся! Расскажи, что случилось, всё для тебя сделаю, сама знаешь!

Задумчиво глядя на лопоухого Филиппа, Ирина твёрдо сказала, смахнув с ресниц слёзы:

– Даже тебе, мой дорогой, не сделать того, что мне хочется!

Для Неварко это показалось странным. Он удивленно молчал, переваривая сказанное Ириной. Как это может быть, чтобы ему, Филиппу Неварко – первому человеку в Димитровске – не выполнить то, что захотелось этой крохотной лапулечке! С его-то возможностями! Что-то здесь не так.

– Ну, говори, не томи! – Филипп разом взмок от волнения. – Хочешь, в Америку съездим? Или – к япошкам? Может, купить тебе Мерс накрученный? И права в придачу?

– Не-а! – игриво произнесла любовница. – Я петь хочу, со сцены...

В это время звякнул мобильник. Филипп рывком схватил его со стола, соединился с абонентом и рявкнул:

– Да занят я! Очень занят, дел куча! Позвонишь попозже...

Он изумлённо смотрел на Ирину и мысли одна за другой мелькали в его голове. Петь, в принципе, умеют все. Напри-

мер, за столом на дружеской вечеринке Филипп и сам иногда вопил матерные песни, а некоторые его дружки даже и голос имели, отличались приличным музыкальным слухом. Васька-валет тот же. Но определить в певицы Ирину?.. Не слишком ли это было бы круто? Она ведь и пары слов-то толково произнести не может! Кое в чём Филипп всё-таки разбирался неплохо. Но с другой стороны... Когда посмотришь в этот ящик, который телевизором обозвали, то таких исполнителей увидишь, что и в подмётки Валету не годятся. Если дело хорошо поставить, то и с моей Иришки могла бы какая ни какая певчая кралячка выйти. Соловьиноушка ты моя!..

Ирина Андреевна в это время ковыряла мизинчиком краску на подоконнике и изо всех сил старалась показать свое расстройство, вытирая уголки красивых глаз сиреневым платочком. Искоса она поглядывала на задумавшегося любовника. Наконец он поднял голову, перехватил её взгляд и широко улыбнулся. Видно было, что он принял решение и это решение было в её пользу!

– Ты будешь петь, моя лапонька! – сказал он просто – Для этого кое-что придётся организовать. Но это уже не твоя забота, крохотулечка моя. Иди ко мне, иди скорее к папочке...

* * *

Директор димитровского Дворца культуры Сироткин Паша сидел в своём рабочем кабинете и пил водку. Он даже не закусывал, просто наливал в стограммовый стакан из бутылки с блестящим горлышком прозрачную жидкость и зал-

пом отправлял в горло. Таким образом Паша-распредвал, он же – Сирота ненаглядная, избавлялся от меланхолии, от скуки жизни текущей. В углу кабинета, за столом, скопилось с дюжину разных бутылей с водочными наклейками. Ничего кроме водки Паша не пил. Это было его фирменное пойло. Нужно отметить, что водка почти не разбирала директора местного культурного центра, ему от неё становилось чертовски хорошо, весело, остаток дня после выпивки он проводил легко, решал запросто возникающие проблемы, щунял нашкодивших сотрудников, успевал связаться с областным центром и договориться о приёме заезжих гастролёров, разместить их в местной гостинице и познакомиться с какой-нибудь симпатичной гастролёршей с последующим приятным времяпрепровождением.

Вот и сейчас крупное тело местного красавца Сироткина набиралось приятной на вкус спиртовой жидкости в предвкушении вечерней встречи с Верой Малининой, пикантной девицей из всем надоевшего квартета «Розовые голубки». На российской сцене квартет давно потерял популярность, его ещё немного терпели в далеких сибирских селениях, да в глухой провинции вроде Димитровска. К тому же здесь солистка группы Малинина – старая разведёнка – давно обхаживала красавца Сироткина, но до сих пор не позволяла ему ничего лишнего, в тайне мечтая соединить с ним свою неудавшуюся жизнь, может быть даже переехав в Димитровск.

Громко зазвонил телефон. Паша с натугой перегнулся на другой конец стола, взял трубку и послушал. Звонивший был хорошо знаком – известный всему городу Филипп Неварко, хозяин местного рынка, глава группировки отчаянных ребят, подмявших под себя всех городских деловых людей. К Пашке эти ребята ничего не имели, но Филипп частенько обращался к нему с просьбами, например, просил организовать билеты на концерт для своей крали. Они при встречах вспоминали детские и школьные годы, так как жили в домах напротив и ходили в один детский сад, в одну школу.

– Привет, Распредвал! – развязно начал Неварко. – Как житуха проходит? Как прежде молодость пропиваешь?

Сироткин вздрогнул. Откуда Филипп узнал, что Паша делает? Он потянулся со стоном, зевнул, как будто только что спал, и пробурчал:

– С чего пить-то? – Сироткин покосился в угол с пустыми бутылками. – Откуда чего взять? Вот если бы старый школьный товарищ прислал пару ящичков какого-нибудь прозрачного зелья, да и сам бы пожаловал! Вот тогда...

Неварко перебил этот монолог, не дав ему затянуться:

– Замётано! Сейчас затарюсь и мы вдвоём с моей Цыбулкой тебя посетим, жди...

Всё это показалось Сироткину странным.

«Быть беде!» – подумал он. Ну, действительно, зачем Филиппу его поить? Не иначе как придумал что-то, пожи-

виться за счёт Пашки хочет. Но что с клуба взять можно? По всем комнатам, по залам поскрести, да и то, похоже, больше нескольких старых столов и стульев, да дырявого киноэкрана ничего не найдёшь! Есть, правда, магнитофон с большой глушинкой, но на него могут позариться разве только любители танцев из ещё более глухой провинции, чем та, к которой относился славный город Димитровск.

«А бабу-то свою зачем он тащит? – продолжал размышлять директор местного очага культуры. – Может, надоела и он передать её мне хочет?»

Этого Сироткин тоже не желал. Не мог красавец Павел смотреть на эту холёную сучку, не в его вкусе была Ирина Андреевна, слишком слашава была на мордашку.

Пока он в этом духе размышлял и томился, прошло какое-то время. В дверь постучали, вначале тихо, а затем со всей мочи. Павел, тяжело ступая зимними ботинками, прошёл к двери, повернул ключ и приоткрыл её.

– Ещё разок – привет! – Филипп прошёл в кабинет вразвалочку, протянул руку в коридор и вытянул оттуда смущённую Ирину Андреевну.

– Будьте как дома, – буркнул Павел и показал на засаленные кресла.

– А то! – заулыбался, присаживаясь, Филипп. Он вытащил из кармана бутылку армянского коньяка «Арарат» и поставил на стол. – Не вижу подходящей посуды, чтобы налить для всех хорошей выпивки! Паша, ты, видать, совсем не го-

товился гостей встретить.

– Просто ты быстро примчался! – Сироткин внимательно посмотрел на бывшего однокашника. – Случилось что-то?

Филипп многозначительно помолчал, затем просто сказал:

– Случилось. Моя кралечка петь захотела. Твоя задача – организовать её певческое образование.

Ирина Андреевна сидела красная, но по её упрямому выражению лица было ясно видно, что от своей идеи она не откажется ни за что на свете! Паша молча взялся руками за голову. Он мог предположить всё, что угодно, но только не это. Ему стало тоскливо. Пропади она пропадом эта работа, когда каждый ненормальный может запросто захотеть петь и зайдёт на огонёк попроситься обучить его пению или, например, игре на скрипке...

Он знал Филиппа, знал, что для своей бабёнки он сделает всё, что бы она ни попросила, и спорить, доказывать что-либо здесь бесполезно.

– Понятненько... – протянул Сироткин, явно выигрывая время. Он решал в уме, каким таким макаром ему провести великую комбинацию, превратив заблудшую овечку в солидную солистку сцены. Это вряд ли и Остапу Бендеру бы удалось! – И какой же репертуар вы надумали выбрать для выступлений?

– Ты это... без выражений! – обиделся почему-то Неварко. – Надумали и надумали. Организуй дело. Поможешь –

в долгу не останусь!

Конечно, такие слова Неварко говорил всегда, он никогда и ни с кем не расплачивался уже много лет. Он, можно сказать, давно жил при коммунизме: брал сколько хотел и всё – бесплатно.

Директор клуба по-прежнему размышлял, после крепкого пошла мозги у него работали что надо. Он уже прикинул несколько вариантов, хотя ни на одном пока не остановился. Вынув из стола три мутных от частого употребления стакана, Паша открутил пробку у поддельного, личного производства самого Неварко «Арарата», разлил по полстакана и сказал великие слова:

– Пьём за твою страсть! Отныне она уже не Ирина Андреевна, это имя мы решительно отменяем! Берём сценический псевдоним Андрина!!! Как? Звучит?

Неварко от всех этих новых слов чуть не похужело. Он привык приказывать, да не как-то заковыристо, а простыми русскими словами, ну, например, если нужно было кого-то замочить, то он так и командовал: замочить и в асфальт закатать! Причём не позже пятницы... И попробовал бы кто-то этой команды не выполнить!

А вот Ириночка его, пампусенька – красавица, захлопала в ладошки, изобразила восторг от слов, произнесённых хранителем культуры их тихого благопристойного городка.

– Вечером вам, Андрина, предстоит посетить со мной одну из лучших певиц нашей великой Родины. С ней вы и нач-

нете заниматься вокалом. Итак, за начинающую звезду эстрады! – Сироткин выплеснул горькую настойку в рот.

Неварко и Ирина Андреевна, то бишь Андрина, последовали его примеру.

Позвонил мобильник у Неварко. Он на сей раз ответил: – Слушаю! Как? Давно? Самого Лысого? Точно? Не ошиблись? Вы вместо Лысого уже пятого мужика валите, а Лысый как был у нас мухой в заднице, так до сих пор и жужжит всё там же! Смотрите, если и на сей раз подставу вместо Лысого сняли, пасть порву! – он сложил мобильник и ласково посмотрел на Пашу.

Когда бывший школьный товарищ Сироткина так смотрел на человека, то тот обычно понимал: или он делает дело или Неварко делает его, окончательно и бесповоротно.

– Отвечаешь за неё головой! Времени даю месяц, понимаю, что научиться петь не так-то просто. Не выполнишь просьбы – клуб разнесу к чертям собачьим, без работы останешься! Ты, ведь, дружок, больше ничего делать не можешь...

С этими словами Неварко спешно покинул клуб, оставив пригорюнившуюся вновь Ирину Андреевну на попечение Паши.

* * *

Вечером Сироткина ожидал ещё один сюрприз. «Розовые голубки» не приехали и все намеченные мероприятия провалились. Особенно переживал Паша за подругу товари-

ща, которой не удастся так быстро начать овладевать искусством. Те редкие толпы неудовлетворённых фанатов неявившейся группы, которые уже начали расходиться по домам, не дождавшись «Голубок», не беспокоили Пашу. Обойдутся, не в первый раз! А вот что делать с Андриной?

Паша посмотрел на начинающую артистку, горько усмехнулся и самостоятельно начал первый урок.

* * *

А в это самое время, когда Сироткин, вынув из пыльного шкафа старенький потрёпанный в самодеятельности баян и наигрывая самые популярные когда-то песни, предлагал новоявленной певице напеть одну из них, местный авторитет Неварко ехал по заснеженной улице к своему знакомому милицейскому чину для проверки полученного им сообщения об устранении внезапно возникшего конкурента.

Чин сидел, развалиясь в широком кресле, и что-то смотрел по телевизору, развернутому экраном от входной двери. Сверху телевизора находился включённый видеомагнитофон, причём счётчик ленты работал, всё говорило о просмотре каких-то материалов, которые не полагалось видеть постороннему. Но местный авторитет посторонним себя здесь не чувствовал. К тому же он хорошо знал привычки хозяина кабинета, поэтому, пройдя к креслу напротив и усаживаясь в него, Неварко попутно выключил магнитофон:

– Опять порнуху смотришь? – спросил он, даже не поздоровавшись. – Иван Иванович! В твоём возрасте с этим давно

уже завязывают!

– А зачем ты тогда её мне привозишь? – вполне резонно ответил начальник районного отдела внутренних дел. – Я бы, может, и смотрел одни новости. Или «Лебединое озеро». А ты приучил меня к этому видеоразврату... Сам с красоткой упражняешься, а меня дерьмом развлекаешь. Привёз бы мне какую-нибудь кралю, и я не стал бы твой видюшник смотреть, другим бы занялся.

Неварко удивлённо посмотрел на приятеля, какой-то он ему показался возбуждённым сверх меры этот Круглов.

– Ты приврал насчёт крали? Или пошутил?

– А то что же... От этих твоих фильмов кто угодно заведётся. Сейчас бы её прямо в кабинете...

– И получилось бы? – удивился такой страстной речи Неварко.

– А черт её знает! Давненько не пробовал...

Местный авторитет уважительно разглядывал милиционерского чина, которому на этой неделе стукнуло шестьдесят девять лет. Правду говорят про великую силу искусства, она мёртвого поднимет!

– У меня к тебе серьёзное дело, – Филипп уселся поудобнее и приступил к допросу. – Сводки по области смотрел? Мне доложили, что Лысого на тот свет отправили.

– Уж не твои ли ребята?

– Я мокрухой не занимаюсь, – с достоинством проговорил Неварко, – ты же знаешь меня.

– Да потому и спросил, что знаю. Когда случилось-то?

– Не знаю я. Сболтнул здесь один по пьяни, а я к тебе – за уточнением.

– Ох и надоели вы мне все! – с досадой буркнул Иван Иванович. – Как к отцу родному бегут! Вот окочурюсь ненароком – что станешь делать?

– Другого прикормлю! – строго глядя на мента твёрдо сказал Неварко. – Ты же знаешь, что без информации мой бизнес враз прогорит.

– погоди здесь! – попросил Круглов и сноровисто вышел из кабинета.

Филипп достал мобильник и стал обзванивать свою группу парней, которые тусовались сейчас в разных точках города, собирая дань. Всё было тихо и пристойно, никаких сомнительных инцидентов нигде не возникло, следов Лысого, который почти каждый день накладывал лапу на доходы Неварко, не прослеживалось. Доклады парней выглядели лаконично, выручка – на редкость высокая. Да и не удивительно, воскресенье всё-таки. Затем с кабинетного телефона авторитет позвонил в клуб. Никто не ответил. Озадаченно почесав репу, Неварко в уме прикинул, что Распредвал наверняка где-то занимается с Ириной в студии.

«А если не в студии?... – мелькнула мысль. – А если занимается не тем, чем нужно?»

В этот момент возвратился Круглов. Лицо у него было явно довольным.

– Всё сходится, – сказал он, – в сводке есть приметы, похоже на Лысого, очень похоже. К тому же паспорт у него обнаружили на Обстриженного, такой давно из мест отдалённых сбежал и по пути на родину у нас временно обосновался.

– Что ещё за Обстриженный? – тупо поинтересовался Неварко. – Я же тебя про Лысого просил выяснить!

– Чувак! Ты что-то не врубаешься. Как можно с такой головой крутые бабки срубить? Просто не понимаю... Обстриженный – это и есть наверняка твой Лысый! Что ж ему было – под своей фамилией гулять с побега? Это всё равно, что с государственным флагом в правой руке маршировать круглосуточно по улицам города!

Неварко ещё раз набрал номер телефона клуба. И вновь никто не ответил. Мобильник Ирины тоже молчал. В злости он запустил свой телефон в облупленную стену, посыпались осколки.

– Ладно, Мильтон, пошёл я по своим делам. Сведения про Лысого меня удовлетворили.

Он тяжело зашагал по скрипучему полу кабинета мимо Ивана Ивановича, вышел в дверь и шумно захлопнул её за собой.

«И чего человек так расстроился?» – пожал плечами Круглов, вновь включая видеомagneтофон. По кабинету поплыли непристойные для данного места сладострастные звуки.

* * *

Паша Распредвал кайфовал. Он лежал на широкой тахте в своём тайнике под клубом. Про это место никто в городе не знал. Тот, кто организовал и реализовал тайник, давно покоем на местном кладбище. Конечно, к его смерти Сироткин никакого отношения не имел – просто человек был в солидном возрасте, сердце пошаливало и однажды... В общем, все мы смертны, все под богом ходим. Сейчас Паша был благодарен покойнику за то, что тайну про подземное убежище он унёс с собой в могилу.

Андрина лежала рядом. Она оказалось совсем не такой, как представлялась Распредвалу раньше. Нормальная оказалась баба, больше того – её и петь-то теперь не тянуло, что особенно нравилось Паше. В начале занятий, когда Паша растянул старенький баян, она, разглядев в учителе мощный торс и красивые глаза, предложила, положив руку ему на плечо:

– А может, другим делом займёмся? – и сама полезла целоваться.

После этого Паше ничего не оставалось, как перейти на подпольное существование. Он знал, что бывший одноклассник его найдет, но ведь не сразу же! Сироткин поживёт здесь какое-то время. По ночам, переодевшись в театральные бомжевские одежды, будет закупать продукты питания, остальное здесь всё есть. Поищут его клубные работники, да и перестанут. Другого директором клуба назначат. Страшнее всего, конечно, было участие Неварко в поисках своей деви-

цы. Уж он-то со своим опытом сживания со света неугодных мог отыскать их обоих и уничтожить быстрее всего. Но пока Паша лежал на тахте, а рядом была Ирина Андреевна – совершенно неожиданно ставшая ужасно желанной...

* * *

Вечером следующего дня Неварко сидел за круглым столиком ресторана «Садко» в окружении своих подчинённых, у входа маячили два охранника. Свет был ослаблен, стол уставлен многочисленными яствами, но вид у хозяина был удручённый, не мог он найти свою кралечку, не мог достать разлучника Пашу Распредвала, который как сквозь землю провалился. В своих неприхотливых мечтах Неварко разрезал Распредвала на мелкие кусочки, лично снимал с его головы скальп, а оскальпированную голову бросал на съедение злым голодным собакам. Ирине в его жизни места тоже уже не было. Он пытался забыть её, выбросить из памяти, и, хотя это плохо удавалось, участь злодейки была решена: не его – значит, ничья! А ничья, значит, закопанная глубоко в сырую землю в самом дремучем лесу, без глаз, без ушей и так далее...

– Зови официанта! – приказал Неварко Севе-голубку. – Пусть ещё коньяку тащит, за упокой общих друзей выпьем...

Высокий красавец официант принёс поднос с гранёным графином, налил всем по два сантиметра. Неварко вырвал графин, с матерком отослал официанта, добавил до краев. Официант пожал плечами, махнул кому-то рукой – стоявшие

му за стойкой, затем исчез навсегда из этого заведения.

Через несколько минут у Неварко отказала речь. Он пытался что-то сказать охранникам, но только невнятно мычал. Скорая помощь не оказалась достаточно скорой, чтобы спасти хозяина здешних мест, смерть наступила прямо в машине на подъезде к больнице. Боевики стояли у стен медицинского заведения и ждали, что сообщат врачи.

* * *

На следующий день в местной печати и по местному радио передали печальную новость про кончину местного авторитета. Понятно, что никто особенно не огорчился. Ещё передали, что в своём рабочем кабинете застрелился начальник отделения милиции. По слухам, в мэрию пришло анонимное письмо, сообщающее подробные сведения про связь Ивана Ивановича Круглова с бандой местных рекетиров. По этим же слухам Круглов выстрелил себе в голову, не досмотрев до конца какой-то фильм про голых баб, после выстрела в кабинет забежали сотрудники и увидели мёртвого окровавленного начальника, а на тумбочке продолжал работать магнитофон и с экрана неслись нестандартные звуки.

Парни из команды Неварко скопом пошли сдаваться в милицию новому начальнику. А назначили на это место неизвестного в этих краях человека, присланного из области. И фамилия его оказалась Остриженный. Местный же киллер Андрей подался в бега.

После всех этих событий в Димитровске стало жить гораздо скучнее, происшествий никаких не происходило, поговорить было не о чем. Правда, иногда упорно повторялись слухи про то, что молодёжь, допоздна гуляющая в районе клуба, снова слышала странные звуки как бы из-под земли. Кому-то они казались далёким загробным пением, а кому-то вскриками молодой жеребицы.

Качели любви

— рассказ —

В жизни иногда человеку хочется необыкновенного: необыкновенных событий, вещей, приключений... В этом Фёдор Булатов мало отличался от основной массы человечества. Его детские и юношеские годы пролетели быстро, он их практически не заметил, и вспоминать о них не хотел. После окончания института Булатов неожиданно остался одиноким, потому что родители погибли, возвращаясь из Турции после отдыха. Самолет взорвался за несколько минут до посадки и виновных следствие ищет до сих пор. Родных братьев и сестер у Булатова не было, а остальная родня осталась далеко в Западной Украине, никого из тех родственников он не знал и при своей жизни в лицо не видел. И после организации похорон отца и матери с помощью бывших сослуживцев родителей Фёдор вернулся в огромную, хорошо обставленную квартиру опустошённым. Работать он ещё не начал, его жизнь как бы оборвалась и её нужно было начинать заново.

Город, где жили Булатовы, находился за 500 километров от столицы и насчитывал около миллиона жителей. С устройством на работу проблем не было, потому что в го-

роде было достаточно предприятий, связанных с химией, в том числе с той продукцией, технологию производства которой пришлось изучать в институте. К тому же на одном из крупнейших химических заводов, где не один раз проходил практику студент Булатов, его уже знали и сразу предоставили достойную должность технолога цеха. Хотя для только что закончившего учёбу молодого человека это казалось достаточно престижным, особой радости Булатов не почувствовал, потому что последние события, особенно похороны родителей, сильно отражались на настроении, с людьми новый технолог сходилась медленно и по-прежнему не понимал, а правильно ли он поступил? Была мысль выгодно продать большую квартиру и уехать в Москву, куда агитировал его давний приятель, однокурсник прошлых лет Сергей Колыванов. Но Фёдор подумал, что подобравшаяся знакомая молодёжь в кооперативе, где одну из главных ролей играл Колыванов, скорее всего будет склонять его к частым выпивкам, к блуду по молодым, непристроенным в жизни женщинам и в итоге он останется ни с чем: деньги быстро кончатся, кооператив развалится, а жильё приобрести не удастся. А без собственного жилья в Москве делать было нечего. Возвращаться в родной город будет уже поздно, работу легко упустить, да и квартиру снимать выльется в копеечку. Лучше остаться сейчас на том предприятии, которое заинтересовано в его знаниях и где он знает технологическую схему, общие цели завода, некоторых руководите-

лей цехов и отделов.

На этом же заводе одно время работал отец Фёдора, перед уходом на пенсию он договорился с людьми, от которых зависела судьба сына после учебы. Смерть старшего Булатова ничего не изменила, и его друзья помогли Фёдору в выборе цеха и должности. И теперь приходилось изучать новые корпуса большого цеха не так, как в институте, а уже для возможности точно знать процесс производства и со свежими знаниями руководить достаточно большим количеством технологического персонала. Подчинённый персонал состоял из аппаратчиков смен, мастеров и начальников смен, начальников отделений. Цех выпускал большое количество синтетического каучука разных марок, причём, в основном, для шинной промышленности.

Погрузившись полностью в проблемы производства, решая то и дело возникающие технические проблемы, Фёдор Булатов пытался забыть неприятности последнего времени, но, добираясь домой вечером, не знал, куда себя деть. К бутылке его никогда не тянуло, был он не очень общителен и соседей по подъезду многоэтажного дома, построенного два года назад, почти не знал, так – здоровался кое с кем, да и только. Телевизор и разные фильмы, скаченные с Интернета, почти не занимали его. Немного посмотрев последние новости, проверив электронную почту, Фёдор засыпал, а утром по звонку будильника вставал и готовился к новому рабочему дню. Случалось, что собирался на завод и в выход-

ной день, но своевременно останавливался у дома, видя, что народ не торопится на работу. Так проходили дни, недели, месяцы, годы. И только после пяти лет тягостного для себя существования Фёдор Булатов неожиданно ощутил прелести окружающей жизни, он изменился в общении с людьми, стал необыкновенно приветлив и начал интересоваться всеми событиями в мире, стране и городе.

На работе были удивлены перевоплощением Булатова, который уже полтора года назад был переведён начальником своего цеха и имел солидную репутацию делового и смелого руководителя, умевшего ладить с людьми и содержать цех в идеальном состоянии. Причины не знал никто, кроме самого Фёдора, с которым случилась обычная в человеческом обществе вещь: он влюбился.

Если бы кто-то из знавших Булатова по работе сотрудников услышал, что тот оказался в обычной для простого человека роли влюблённого, то, конечно, не поверил бы. Все пять лет, что Фёдор проработал на заводе, показали его только со стороны непрерывного трудового процесса, которым он занимался и днём, и ночью. У руководителя большого технологического цеха с большим штатом сотрудников рабочий день фактически не заканчивался, а продолжался все часы до начала следующего рабочего дня. Лишь люди, испытывавшие эту судьбу, знают, что начальнику цеха могут позвонить в любой момент и доложить о какой-нибудь простой

ерундовой поломке, чтобы лично не отвечать затем в кабинете о причинах получения брака продукции. Хотя начальник смены может вызвать на помощь в цех через диспетчера завода слесарей, электриков, чистильщиков, начальников отделения. Их привезёт диспетчерский автобус, и всё устранят. Непрерывное производство так устроено, что остановиться на полном ходу невозможно, это приведёт к непоправимым потерям количества и качества продукции. Начальник цеха и технолог несут всю полноту ответственности за состояние дел в цехе постоянно. Как они это организуют – это их дело, это входит в должностные обязанности.

Булатов с приходом в цех готовой продукции внимательно рассматривал каждую технологическую операцию до мельчайших подробностей, сразу делал пометки на будущее, что можно улучшить в работе оборудования вплоть до его замены или реконструкции узла. Так его учили в институте, и он многое запомнил из увесистых учебников. Особенно Булатов полюбил принцип исключения слабого звена в технологической цепочке производства. Применяя этот принцип довольно легко можно добиться прекрасных результатов в повышении производительности труда в цехе, в снижении расходов основных материалов и сырья, в увеличении выпуска готовой продукции, а, значит, и снижении её себестоимости. Многие руководители цехов на заводе не применяли методы Булатова по разным причинам, например, не все они получили высшее образование или при учебе в институте не всегда

тщательно изучали азы своей основной профессии. С приходом Булатова цех стал работать лучше и надёжнее, вызывать ремонтный персонал стали реже. Это стало одной из причин перевода его начальником цеха вместо ушедшего на пенсию человека.

Настойчивая работа Фёдора приносила хорошие результаты, но сам он был всегда озабочен итогами ежедневной выработки продукции и мало уделял внимания самому себе. Он всегда был занят, не интересовался простыми радостями жизни, вроде рыбалки, обычного отдыха с шашлыками, сборами друзей за одним столом на какой-то праздник. Всё это проходило мимо Булатова. Даже автомобиль он вынужден был купить только для более быстрого прибытия в цех в случаях какой-то неожиданной серьёзной поломки и для организации скорейшего восстановления работы оборудования и персонала смены.

Поэтому всем было любопытно, каким же таким образом молодой человек оказался втянут в любовную историю и какие изменения в цехе последуют за ней: ухудшится ли надзор за работой цеха или всё останется по-прежнему и к Булатову претензий не будет?

Да и вообще, персонал цеха, полюбивший своего начальника и привыкший к нему, хотел обязательно знать подробности его личной жизни и о том, что он решит сделать со своей жизнью дальше: женится на любимой девушке или вся любовь растворится в рабочих буднях и Фёдор останется оди-

ноким?

В тот воскресный ненастный осенний день Фёдор Булатов провожал в командировку своих подчинённых: заместителя Владимира Зельдина и чистильщика Николая Валуева. Они отправлялись скорым поездом на один из шинных заводов-потребителей каучука. Необходимость командировки заключалась в том, что дошедший до шинников каучук – по официальной претензии – частично оказался с повреждённой упаковкой и не был пропущен для дальнейшего производства. Потребители требовали прислать представителя каучукового завода для принятия мер по устранению повреждений и составления документов о компенсации дополнительных расходов. Такие случаи и раньше имели место, но очень редко. Обычно неприятности возникали при транспортировке брикетов каучука в железнодорожном вагоне из-за его ветхости: поломка полов, а также дверей. Приходилось направлять бригаду по очистке брикетов каучука от загрязнений и составления соответствующего акта, в соответствии с которым поставщику в следующий раз догружали незначительное количество продукции вместо отбракованной. В этот раз отдел технического контроля шинного завода просил прислать представителей, чтобы убедиться в факте порчи каучука и для определения мероприятий по недопущению повторения подобного в дальнейшем. Булатов очень переживал за выпущенную своим цехом продукцию и быст-

ро реагировал на подобные происшествия, настраивая персонал цеха на отсутствие претензий. И в этот день на перроне перед пассажирским вагоном под крапывающим холодным дождём Фёдор давал напутствие своим людям, которых он отправлял в другой город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.